

У маленьких ворот Ван Цзюня, Лян Эр и Чжан Саньера уже окружили люди.

Однако Ван Цзюнь так сильно изменился, да ещё и шляпа скрывала его лицо, что Чэн Лаоу с товарищами сразу не узнали его.

Сам Ван Цзюнь тоже был удивлён: он-то отлично помнил Чэн Лаоу и остальных — ведь прошёл всего год с тех пор, как он ушёл отсюда, и память у него не настолько плоха.

Семьи Лао Лю и Лао Чэн были примерно так же бедны, как и семья Лао Ван. Просто у них было больше людей: родители ещё живы, братьев много — вот и рабочих рук хватало.

А у семьи Лао Ван из трёх братьев только Ван Цзюнь уже вырос, два младших брата ещё совсем малы.

Раньше он слышал, что они собирались устроиться в дом какого-нибудь землевладельца долгосрочными работниками, чтобы зарабатывать на жизнь. Так как же они оказались у него дома?

Никто из них не узнал в этом человеке Ван Цзюня, но услышав, как ребёнок кричит «старший брат!», все немного растерялись. Присмотревшись внимательнее, они вдруг поняли: да ведь и правда — это же Ван Цзюнь!

— Так это и вправду Ван Цзюнь?! — ошарашенно воскликнул Чэн Лаосань.

— Этот парнишка разве не ушёл в армию?.. — моргнул Лю Лаосы. — Неужто вернулся?

Пока они стояли в оцепенении, из дома выскочил Вэнь Жунь:

— Кто посмел тронуть мою сестрёнку?!

Взглянув на троих, загнанных в угол, он увидел, что один из них держит на руках маленькую Ван Мэй.

— Отпусти мою сестру! — не раздумывая, Вэнь Жунь бросился вперёд. Никто даже не успел его остановить — он уже мчался к ним.

Это была первая встреча Ван Цзюня с Вэнь Жунем.

На Вэнь Жуне был тёплый меховой кафтан, отчего он казался кругленьким и пухленьким. Его лицо, маленькое, как ладонь, ещё больше уменьшалось в глубоком капюшоне.

Он был одет в прямой халат из хлопковой ткани цвета хвои, на ногах — плотные хлопковые сапоги. Его шаги были короткими, но частыми, словно он быстро перебирал ножками.

На лице застыло выражение тревоги и гнева, но, несмотря на это, он бесстрашно ринулся вперёд!

Мгновенно добежав до троих, он вырвал из рук Ван Мэй и прижал девочку к себе, затем быстро отступил на несколько шагов назад.

— Гэфу... — прошептала Ван Мэй, её глаза покраснели — она явно недавно плакала.

Вэнь Жунь увидел это и пришёл в ярость!

— Вы что, совсем с ума сошли?! Я же ясно сказал: мою сестру никто не смеет трогать! — резко обернувшись, он передал ребёнка подоспевшей тётушке Цуйхуа: — Заберите её домой!

Тётушка Цуйхуа тут же взяла девочку и заторопилась обратно.

— Старший брат! — протянула ручонки Ван Мэй, бормоча что-то сквозь слёзы. От плача её голос осип, и Вэнь Жунь не разобрал, что именно она сказала.

Но тётушка Цуйхуа услышала.

Она знала, что в этом доме есть старший брат — муж Вэнь Жуня, ушедший в армию. Она только слышала о нём, но никогда не видела.

Если Ван Мэй зовёт «старший брат», то, скорее всего, речь идёт именно о нём?

Она невольно остановилась и с изумлением обернулась на того человека.

Ван Цзюнь потёр нос и снял шляпу. Пусть и было немного холодно, но зато теперь его лицо стало видно.

Лишь сняв шляпу, Ван Цзюнь позволил Вэнь Жуню разглядеть себя: перед ним стоял юноша, судя по всему, ещё совсем молодой, но с каким-то измождённым, усталым видом.

На нём была поношенная, изорванная одежда, а на ногах — явно казённые сапоги. Вся одежда была в лохмотьях, да и волосы торчали, словно солома, будто за ними давно никто не ухаживал.

Ростом он был высокий и выглядел довольно крепким и сильным.

Его взгляд был пронзительным, сразу было ясно — перед ними не простой человек!

Он напоминал молодого волка, только что достигшего зрелости, — дикого, полного боевого задора и решимости.

Их первая встреча, честно говоря, оставила у обоих не самое приятное впечатление.

Не было ни романтического знакомства, ни трепета в сердце, ни каких-либо нежных чувств.

Напротив, они смотрели друг на друга с настороженностью и недоверием.

Как только Ван Цзюнь снял шляпу, те, кто его знал, остолбенели. Чэн Сань и Лю Лаосы опустили свои вилы и метлы и в изумлении уставились на него.

В этот момент из дома выбежали Ван Цзюэ и Ван Цзинь.

Раньше они сидели в своих комнатах и, пользуясь хорошей погодой, занимались чтением.

Они выполняли задание, оставленное Вэнь Жунем для всех детей: выучить наизусть одно стихотворение из династии Тан.

Как гласит пословица: «Выучишь триста танских стихов — и сам начнёшь сочинять, даже если не поэт!»

Поэтому Вэнь Жунь велел им сначала заучивать танские стихи, а затем пробовать сочинять собственные. Он не надеялся, что все станут великими литераторами, но хотя бы для экзаменов этого должно было хватить.

Услышав шум и беготню снаружи, братья вышли наружу и узнали, что кто-то пытается похитить их сестру. Они тут же бросились на помощь.

И как раз застали эту сцену.

— Старший брат? — как и сестра Ван Мэй, они сначала робко окликнули его, но в голосе звучало недоумение.

Но почти сразу же радостно закричали:

— Старший брат!

Вэнь Жунь уже собирался вступить в перепалку, но, услышав, как два мальчика зовут «старший брат», растерялся.

— Старший брат? Какой ещё старший брат? — недоумённо уставился он на них.

А Ван Цзюнь, увидев своих младших братьев, тоже был потрясён:

— Эрди! Санди?!

Его удивило не столько их появление, сколько их нынешний вид.

Он думал: сестрёнку, возможно, откармливают, чтобы выгодно выдать замуж и получить хороший выкуп.

Но и братья тоже выглядели отлично — это и поразило Ван Цзюня.

Ведь, как говорится: «Подросток-парнишка — отца разорит». Appetит у двух подростков наверняка немалый, одежды им тоже нужно много. Даже если они и работают, сил у них явно меньше, чем у взрослых, вроде Чэн Лаосаня.

Да и вообще, в их возрасте мало что полезного сделаешь.

Едят много, а пользы пока мало.

Однако, судя по одежде, дома они явно не работяги.

Оба были одеты в новые хлопковые куртки с отделкой из кроличьего меха — смотрелись очень тёплыми и уютными.

Лица у них уже не были бледными и измождёнными, а, напротив, румяными и здоровыми. На ногах — одинаковые сапожки из кроличьего меха, на плечах — одинаковые безрукавки из овчины.

Ван Цзюэ был в коричневом хлопковом халате, на голове — шапка из волчьего меха с торчащими вверх ушками!

Ван Цзинь же носил халат из неокрашенной хлопковой ткани и такую же волчью шапку, только поменьше, с такими же торчащими ушками.

Честно говоря, это была причуда Вэнь Жуня.

Он заказал эти волчьи шапки в виде детёнышей волков по высокой цене — такие в Ляньхуаао были только у них, у всех остальных были обычные собачьи шапки.

Кстати, для маленькой Ван Мэй он тоже заказал шапочку в виде зайчонка, просто сегодня она её не надела.

А у самого Вэнь Жуня была лисья шапка — ну, он ведь считал себя человеком исключительного ума.

К тому же оба мальчика выбежали на улицу, держа в руках по экземпляру «Трёхсот танских стихотворений», переписанных от руки самим Вэнь Жунем.

«Триста стихотворений династии Тан» в эпоху Вэнь Жуня представляли собой сборник танской поэзии, составленный в период династии Цин учёным Сунь Чжу (по литературному имени Хэнтан Туйши). Книга была завершена в 29-м году правления императора Цяньлуня.

Сборник состоит из восьми цзюаней и включает 310 стихотворений. Позднее, в издании «Сытэн Иньшэ» («Общество поэтических собраний „Четырёх лоз“»), к нему добавили ещё три стихотворения Ду Фу из цикла «Размышления о древних местах». Всего в сборнике представлены произведения 77 поэтов. Стихи расположены по жанрам: пятистишия древнего стиля (гутиши), семистишия древнего стиля, пятистишия регламентированного стиля (люйши), семистишия регламентированного стиля, пятистишия четверостиший (цзюэцзюй), семистишия четверостиший и юэфу (народные и придворные песни). Большинство отобранных стихотворений повествуют о повседневной жизни и личных переживаниях, отражая быт и нравы общества эпохи Тан. Среди них немало признанных шедевров танской поэзии. В оригинальном издании присутствовали комментарии, пояснявшие исторические и литературные аллюзии, а также краткие рецензии, разъяснявшие замысел автора, художественные приёмы и достоинства или недостатки стихотворений.

Изначально «Триста стихотворений династии Тан» создавались как учебник для начального обучения детей поэзии в домашних школах. Однако составитель удачно позаимствовал у сборника «Цяньцзя ши» («Стихи тысячи поэтов») его главную особенность — лёгкость для заучивания. Поэтому вскоре после выхода в свет книга «получила широчайшее распространение по всей Поднебесной, почти в каждом доме стоял её экземпляр» и стала главным пособием для вхождения в мир танской поэзии, оказав огромное влияние вплоть до наших дней.

Одним из первых учебников Вэнь Жуня в детстве был именно этот сборник. С детства он знал его наизусть, а уж тем более мог без труда переписать по памяти. В его распоряжении находилось издание «Сытэн Иньшэ» эпохи Гуансюй, содержащее 313 стихотворений.

Хотя сборник и называется «Триста стихотворений», это название, скорее всего, дано по аналогии с древним «Шицзином» («Книгой песен»), где также ровно триста стихотворений, — просто для округления числа.

С детства Вэнь Жунь мог без труда декламировать весь сборник, а уж тем более переписывать его наизусть.

Сборник систематизирован по жанрам: пятистишия древнего стиля, семистишия древнего стиля, пятистишия регламентированного стиля, семистишия регламентированного стиля, пятистишия четверостиший, семистишия четверостиший и юэфу. При этом древние стили составляют примерно треть сборника, а регламентированные — две трети.

Хотя эти произведения составляют лишь одну шестисотую часть всего корпуса танской поэзии, среди них немало выдающихся шедевров, дошедших до наших дней.

В сборнике представлены 77 авторов — среди них императоры, чиновники, монахи, певицы и безымянные поэты. Большинство из них — ключевые представители танской поэзии. Так, Ду Фу представлен 39 стихотворениями, Ван Вэй и Ли Бай — по 29, Ли Шаньинь — 24, а Мэн Хаожань, Вэй Инью и Ду Му — каждый более чем десятью.

Если говорить о жанровом распределении, то у Ли Бая преимущественно отобраны пяти- и семистишия древнего стиля и юэфу; у Вэй Инью — в основном пятистишия древнего стиля; у Ван Чанлиня — семистишия четверостиший; у Ли Ци — семистишия в жанре гэсин (поэтические повествования). Кроме того, древние стили в основном представлены поэтами высокого периода Тан, тогда как регламентированные стили — преимущественно поэтами среднего и позднего Тан. Среди отобранных стихотворений много известных шедевров: они, как правило, просты для понимания, обладают высокой художественной выразительностью и легко поддаются декламации. Хотя встречаются и стихи, посвящённые бытовым мелочам или личным переживаниям, а также некоторые официальные или ответные стихи, бедные по содержанию и шаблонные по форме.

Вэнь Жунь считал, что редакторские комментарии к отдельным стихотворениям подобраны очень удачно: они кратки, но ёмки и дают читателю ценные ориентиры. Иногда даже одноединственное замечание заставляет надолго задуматься.

Именно поэтому Вэнь Жунь решил развивать у своих младших братьев чувство поэзии и литературного вкуса. У них ведь совершенно нет базы — откуда ей взяться, если они не из знатной семьи, где с детства воспитывают литературные таланты? В древности обучение поэзии зависело исключительно от врождённого дарования. Но Вэнь Жунь целенаправленно старался пробудить в них хоть какое-то поэтическое чутьё — пусть даже формальное, шаблонное, но всё же хоть что-то!

Ведь все они — дети крестьян, в доме нет никакой культурной среды, остаётся только «засовывать знания насильно», как говорится, методом «утиной педагогики».

Ван Цзюэ заучивал «Весеннее утро» Мэн Хаожаня.

Ван Цзинь учил «Тихую ночь» Ли Бая.

Одно стихотворение описывает весну, другое — тоску по родине.

Оба произведения отличаются простотой и ясностью, легко понимаются и прекрасно ложатся на язык.

А вот такие стихи, как «Дворцовые песни» или «Уйи Сян» («Переулочек Чёрных одежд»), слишком сложны и многогранны — мальчики пока не в состоянии их осмыслить. Без определённого жизненного опыта невозможно по-настоящему прочувствовать глубинный смысл подобных стихотворений.

У Вэнь Жуня был собственный план: по его мнению, прогресс детей в учёбе уже значительно опережает современные стандарты образования.

Однако Ван Цзюнь был потрясён.

Как гласит поговорка: «Кто впитал в себя поэзию и книги — тот излучает благородство». Изменения в его младших братьях были просто колоссальными!

До возвращения домой он страшно переживал: не умерли ли братья и сестра с голоду? Даже если выжили, то, наверное, влачат жалкое существование.

Но что же он увидел?

Сестрёнка выглядит как настоящая барышня из дома землевладельца!

Братья не только одеты тепло, но и учатся грамоте!

Правда, в детстве Ван Цзюнь немного поучился грамоте у матери. Его прадед по материнской линии когда-то был сюэем (выдержавшим провинциальные экзамены), но позже, спасаясь от голода вместе с толпой беженцев, осел в Ляньхуао. Он успел передать своему единственному сыну кое-какие знания, но из-за бедности семья так и не смогла позволить себе готовиться к государственным экзаменам. А дед Ван Цзюня имел лишь одну дочь — мать Ван Цзюня. Поскольку женщины не имели права сдавать экзамены, она лишь немного грамотна.

Кроме того, в роду Ванов тоже когда-то были грамотные люди, поэтому дети в их семье получили не простые деревенские имена вроде «Ван Старший» или «Ван Эрсяо», а настоящие имена.

И у всех — и у мальчиков, и у девочки — имена с иероглифом «ван» (нефрит), что сразу указывает на принадлежность к одной семье:

Ван Цзюнь, Ван Цзюэ, Ван Цзинь, Ван Мэй.

Ван Цзюнь всегда мечтал дать братьям образование, но сам почти не учился, да и в Ляньхуаао не было частной школы. А учиться за пределами деревни — это и плата учителю, и проживание, и питание... Всё это было непосильно.

И вот теперь он увидел...

К тому же, кто этот человек? Почему все дети слушаются именно его?

И ещё он осмелился назвать Ван Мэй «своей сестрой»?!

Да это же его, Ван Цзюня, родная сестра!

— Вы что это...? — Ван Цзюнь растерянно посмотрел то на братьев, то на остальных. Остальные тоже были в полном замешательстве.

Что за «второй брат», «третий брат»? Неужели они решили устроить здесь «Клятву в персиковом саду»?!

Вэнь Жунь невольно мысленно фыркнул.

Но тут же вспомнил: ведь старший брат этих двоих — это же Ван Цзюнь!

Тот самый человек, за которого он «выдан» замуж?!

У Вэнь Жуня сразу заболела голова — и не одна, а две!

— Ты Ван Цзюнь? — спросил он, внимательно глядя на незнакомца.

— Да, это я! — ответил Ван Цзюнь, тоже оглядывая его с недоумением. — А ты-то кто?

Вэнь Жуню стало неловко.

— Меня зовут Вэнь Жунь. Давай зайдём в дом, там и поговорим.

Здесь точно не место для разговоров.

К тому же в этот момент с неба снова начал падать снег — крупными, пушистыми хлопьями.

Оба мальчика подбежали к Ван Цзюню и, каждый взяв его за руку, радостно затащили:

— Старший брат, идём домой! Идём скорее домой!

Ван Цзюня, совершенно растерянного, братья буквально втащили в дом.

Вслед за ними вся толпа хлынула во двор. Вэнь Жунь первым делом обратился ко всем:

— Никому не рассказывать о сегодняшнем происшествии! Ван Цзюнь он...

«Ведь он же всё ещё числится в армии? Неужели он дезертир? А в древности за дезертирство, кажется, рубили голову!»

Эта мысль мгновенно пронзила Вэнь Жуня ледяным ужасом.

— Я не дезертир! — тут же воскликнул Ван Цзюнь. — На этот раз я вернулся по делу: наш отряд выехал из лагеря за припасами. Из-за снегопада все закупщики остались пережидать непогоду в уездном городке. Я официально взял трёхдневный отпуск и только потом выехал. Это не самовольное бегство — ничего скрывать не надо!

Дезертирство — дело серьёзное, и Ван Цзюнь, даже если бы захотел сбежать, не осмелился бы!

— А, ну раз так, тогда всё в порядке, — облегчённо выдохнул Вэнь Жунь. — Закройте ворота! Все по домам! Опять же снег пошёл. Тётушка Цуйхуа, что у нас на обед? Приготовьте побольше — принесите всё во внутренний двор.

— Есть, хозяин! — тётушка Цуйхуа немедленно опустила Ван Мэй на землю и заторопилась на кухню.

Раз уж вернулся Ван Цзюнь — второй хозяин этого дома, — надо обязательно приготовить что-нибудь особенное!

Остальные разошлись по своим делам, а четверо братьев и сестёр Ван, вместе с Лян Эром и Чжан Саньером, направились в восточную пристройку главного зала первого двора. Там Вэнь Жунь заранее подготовил гостевую комнату — ведь центральное помещение служило большой гостиной.

Западная пристройка была его кабинетом, а во внешней комнате стояла широкая китайская печь-кан, на которой можно было и поесть, и переночевать.